

Владимир ИЛЬИНСКИЙ: Все началось с сорокапяточки Битлз

“У микрофона — Владимир Ильинский...” — так начинается каждый ночной эфир по вторникам и средам на радиостанции “Эхо Москвы”. Не правда ли, знакомая фамилия. Отец Владимира Игоревича — знаменитый Игорь Ильинский, артист театра Всеволода Мейерхольда, а впоследствии — Малого театра. У сына совершенно иная стезя. Все программы Владимира Ильинского — а у него их шесть — о старой доброй музыке 60-х годов. Один из ночных эфиров — в ночь со вторника на среду — целиком посвящен Битлз. Передачи Ильинского пользуются большим успехом: послушайте их сами — меломаны обрывают ему телефон в прямом эфире.

— Детство любите вспоминать?

— Это самая счастливая пора, действительно, без преувеличений. И самое яркое впечатление — летнее время во Внуково. День был бесконечно длинный, хотя вставали поздно — часов в десять утра. Счастье — это тот летний день, когда еще и отец был жив, и мама была моложе. И вообще столько дел успевали сделать! И в футбол поиграть, и на озеро Паулюс, как оно называлось в народе, с отцом мы ходили купаться. Вот бы в детство на денечек!

— Главное увлечение в детстве — музыка?

— Когда я был совсем маленьким, хотел быть военным. Потом резко заболел футболом. Музыка началась случайно — родители из какой-то командировки привезли сорокапяточку Битлз. Я о них, конечно, много читал, но в газетах они именовались “исчадием ада”, “проповедниками буржуазного образа жизни”. Я послушал пластинку и был совершенно потрясен. Я ожидал услышать какой-то грохот, а услышал “Girl”, “Michelle”. И понял: это все, что мне в жизни было нужно.

— Поступили в иняз, потому что отец настоял?

— Это сложилось само собой. Отец спросил: “Может, ты попробуешь в театральное?” Я категорически отказался. Нужно было читать басню, а я считаю, что это очень искусственный вид литературы. Тебе рассказали все на уровне образов, а под конец навесили мораль. То есть если ты полный идиот, не понял ничего, то под конец тебе объяснят что к чему. И читать это перед какой-то еще комиссией было просто невозможно! А главное — я как представил себе... Ну, придумай... “Ваша фамилия?” — “Ильинский”. — “Имеете отношение к Игорю Ильинскому?” — “Да, имею”. И на меня будут смотреть как на человека с той самой фамилией. И это было ужасно. А учительница английского в школе сказала: “Ильинский, ты не хочешь попробо-

вать в иняз?” Я поступал без блага, сам. И поступил.

— Со своим партнером по эфиру, Георгием Мосешвили, вы познакомились в институте?

— Нет, еще раньше, на даче как раз. Его родители снимали там дачу. Он и в футбол играл, и музыку уже тоже слушал. Потом мы перестали видеться, потому что они перестали дачу снимать. И уже только перезванивались по телефону и приезжали друг к другу на дни рождения. Потом мы случайно столкнулись на “Эхе”. Как раз тогда зашла речь о ночных эфирах. И мы решили делать их вместе.

— Как придумывались программы “Братя по оружию”, “Битловский час”?

— Это целиком Гошина заслуга. После первого эфира он сказал: “Давай повторим!” А во второй раз он сказал: “Давай сделаем постоянную программу. Уже есть название — “Братя по оружию”. Ведь нас многое объединяет: и литература, и футбол, и музыка. И в данном случае не только мы двое — братья, но и все, кто нас слушает”.

— А вообще на “Эхо Москвы” вы как попали?

— Чисто случайно. До этого работал в АПН, писал о спорте. И когда только “Эхо” открылось, Венедиктов привел меня показать. Он в школе моим детям историю преподавал. А эфир в этот день вел Бунтман, у которого в той же школе был театральный кружок. И мне предложили поработать ведущим. Но когда я понаблюдал, как он ведет эфир, пришел в ужас — это делать я никогда не смогу! Лучше броситься под трамвай, чем сесть к микрофону! Но мне сказали: “Слушай, ты же на музыке помешан. Ну сделай хотя бы музыкальную передачу!” Тут уж я не смог отказаться.

— Почему у вас звучит музыка именно 60-х и 70-х?

— Потому что я на этом вырос. Я не смог слушать ни металл — “Deep Purple”, ни диско. Думаю, все, что в музыке сейчас существует, было сыграно с шестидесяти седьмого по семьдесят четвертый.

— А наша отечественная эстрада?

— Тяжелое складывается впечатление. Единственно — из русского рока — Майк Науменко и ранняя “Машина времени”. А остальное...

— В детстве вы, наверное, общались с очень знаменитыми людьми?

— Я, например, играл в шахматы с Петросяном. Это было на юге. Такие гигантские шахматы, доска два на два метра, фигуры огромные.

— Неужели выиграли?

— Проиграл, конечно. Но во всяком случае игра продолжалась больше десяти ходов. И я считаю, это большая честь для меня. Может быть, он хотел поддержать во мне чувство

собственного достоинства — он мне мат не поставил сразу... А однажды Юрий Никулин в меня молотком бросал. Мне было лет семь. Я всегда боялся ходить с отцом за кулисы, считал, что это что-то запретное. Когда мы пришли к Никулину, они с отцом стали разговаривать, а я слушал, приглядывался. Никулин почувствовал, наверное, что я заскучал, и говорит: “Чего сидишь такой скучный? На вот, лови молоток!” Берет со стола молоток и запускает им в меня, как индеец томагавком. Я в ужасе шарахнулся, а молоток оказался резиновым. И самое интересное, я решил тоже в него чем-нибудь швырнуть, но когда что-то схватил, оказалось, это настоящее, и, к счастью, я спохватился.

— Для вас Игорь Ильинский на экране — актер или отец?

— Скорее всего все-таки актер. Он хороший актер. Но в жизни он был другой человек. Он не Бывалов, не Огурцов — естественно, нельзя отождествлять отца с его ролями. Естественно, воспринимаешь их как нечто такое отстраненное. Мне по жизни всегда бывало очень тяжело приходиться в театр на те спектакли, где отец играл. Потому что у меня начиналось какое-то раздвоение личности. С одной стороны, я вроде бы понимаю, что это отец, а с другой — не могу его как отца воспринимать. Я всегда очень за него волновался. У него было плохое зрение, и я боялся, что он не в ту сторону пойдет — он же, естественно, без очков играл. А премьера — это всегда такая нервотрепка была, я переживал больше, чем он сам.

— Ваш любимый писатель? И что из этого читал ваш отец?

— Отец безумно любил Толстого и Чехова. Но он любил чеховские пьесы, а я главным образом воспринимаю Чехова как автора коротких рассказов. Пьесы, я думаю, он любил как актер-профессионал.

— Ваши любимые группы: Битлз и ...?

— Их много... Ранние Rolling Stones, Doors, “Прокол Харум”, Deep Purple люблю.

— Любимый анекдот расскажите!

— Ну, это что-нибудь про “новых русских”... Приходит “новый русский” в туристическую фирму и говорит: “Чуваки! От работы хочется отдохнуть!” Отвечают: “Поедете на сафари?” — “А че это?” — “Ну, как! Будете ехать на машине и козлов всяких стрелять”. — “Вы что, чуваки, я же говорю — я от работы хочу отдохнуть!”

— Вы занимаетесь любимым делом?

— Да. Я считаю, это случай почти уникальный: моей работой стало хобби, которым я двадцать лет занимался. Дай Бог, чтобы все это подольше продолжалось.

Встречалась
Анастасия **ТОМСКАЯ**.

Встр. Кудряш - 1997. - 25 сент. - с. 7.

